

Еще не вечер... **Из книги "Возвращение де Рибаса"**

С ним дружил академик Владимир Петрович Филатов. К нему хаживал Илья Ильф. Его портреты писали известные одесские художники Е. Буковецкий и П. Волокидин. С ним состоял в добром знакомстве Исаак Бабель. Юрий Олеша в своей "Книге прощания" вспоминал его с пиететом и душевным теплом: "Александр Михайлович Дерibas был уважаемым человеком в Одессе — знаток города, его истории, старожил и, кроме того, еще и директор Публичной библиотеки. Это был высокий старик, с белой длинной бородой... Однажды мы, молодые поэты, пригласили его выступить на вечере, который мы посвятили Бодлеру... Мы бурно приветствовали вышедшего на кафедру старца". Я привел эти цитаты исключительно ради того, чтобы читатели сквозь толщу лет смогли глазами современников узреть человека, который был живой легендой Одессы, связующей ее прозаичное настоящее с романтическим прошлым. Де Рибас был журналистом, председателем Литературно-артистического общества и Пушкинской комиссии Дома ученых, директором городской Публичной библиотеки и заведующим ее краеведческим отделом, где положил начало уникальному каталогу, который с его легкого пера получил и сохранил название "Одессика".

Помимо всех почетных должностей и достойных уважения деяний известность Александру Михайловичу добавляло и то, что он приходился внучатым племянником основателю города, каковая родственная связь прослеживалась легко и однозначно. Дедом его был младший брат адмирала Иосифа де Рибаса, премьер-майор русской армии Феликс де Рибас, который единственный из семейства остался жить в новообретенных странах южных земель, в юном городе Одесса. А его сын, редактор выходившей на французском языке газеты "Journal d'Odessa" Михаил Феликсович де Рибас в 1856 году стал отцом Александра Михайловича. Принадлежность к знаковой для Одессы фамилии определила отношение де Рибасов к городу, который они во всех поколениях по праву считали не просто своим, но родным, пеклись о благоденствии его и сбережении истории. Александр же де Рибас несколько лет подряд печатал в "Одесском листке" и "Одесских новостях" очерки о прошлом нашего города. А в 1913 году, в преддверии мировой войны и последовавших за ней печальных событий в России, книжный магазин Г. Руссо в ныне не сохранив-

шемся доме мадам Пуриц на Ришельевской, 6, выпустил составленную из них книгу "Старая Одесса".

Среди историков и краеведов принято считать, что классическая старая Одесса "закончилась" с Крымской войной 1854 года. Но у де Рибаса, как у каждого одессита, была своя "старая Одесса", совпадающая с его детством, юностью, молодостью и с ними же отошедшая в область воспоминаний. Классическую и свою старую Одессу де Рибас аккуратненько, без видимого стыка, соединил, получив в свое "авторское распоряжение" почти все первое столетие ее существования. Автор определил содержание книги как "исторические очерки и воспоминания". Но это, строго говоря, не совсем так, поскольку в исторический очерк неожиданно врывается аромат апельсинов, переполнявших магазины колониальных товаров Греческой улицы, или щемящая сердце мелодия шарманки, с которой старый итальянец бродил по живописным одесским дворикам, а сквозь пеструю ткань воспоминаний проступают слова военных реляций, государева повеления или частного письма. "Старая Одесса", если ее рассматривать не по главам, а целиком, скорее напоминает непринужденный, восторженный и, случается, грустный монолог влюбленного в свой город старожила, который виток за витком неторопливо разматывает долгую нить воспоминаний, нащупывая на ней тугие узелки семейных преданий и нанизывая на нее исторические факты. Можно считать ее и мастерски изложенным старинным одесским мифом, имея, конечно, в виду, что в основе произведений этого давнишнего жанра если не четкие реалии, то, по крайней мере, мировоззрение и нравственность, характерные для общества, в котором мифы зародились.

Тираж книги был незаслуженно мал — 1175 экземпляров, но успех заслуженно велик. И потянулись к нему люди, и полетели к нему письма, заинтересованные авторы которых сетовали на то, что, дескать, о чем-то он рассказал маловато, что-то вовсе не отразил, кого-то упомянул вскользь, о ком-то вообще не обмолвился. Но к разочарованию земляков нужно сказать, что никто не в состоянии с исчерпывающей полнотой написать о каком-либо населенном месте, будь то Древний Рим, молодая по меркам истории Одесса или "закоренелая станция Фастов", как назвал ее Исаак Бабель. Де Рибас не обольщался на этот счет и не собирался создать энциклопедию старой Одессы. К тому же он не без оснований считал ее навсегда ушедшей, а об ушедших говорят хорошо или ничего не говорят. Этому благопристойному принципу автор большей частью и следовал.

Конечно, он писал, в основном, о людях своего круга, которые представляли интеллектуальную, административную, торговую и финансовую элиту Одессы. Но она была плоть от плоти этого города, сформировалась в его специфичных условиях, да и сама в изрядной степени определяла их. Что же касается де Рибаса, то "хождения в народ" он, понятное дело, не совершал, однако был открыт и демократичен, умел общаться и сопереживать, видеть и слышать, оценивать и обобщать, в облаках не витал, но и романтики не чуждался. Потому и создал не черно-белую ментальную фотографию города, а живописный его портрет, в котором авторской волей подчеркнул любезные сердцу отдельные его черты и всеобщую неповторимость. А этим Одесса в немалой степени была обязана изначально и счастливо сложившейся многонациональности своего населения, о чем писали до и после де Рибаса, от герцога де Ришелье до Владимира Жаботинского, далее, как говорится, везде, вплоть до того момента, когда все повернулось и пошло-поехало в nepотpeбную сторону.

Началось с того, что за участие якобы в каких-то контрреволюционных заговорах ставили к стенке поляков, позже в одночасье выселили немцев, спустя годы такая же участь постигла греков, а немногие оставшиеся итальянцы и французы исчезали поодиночке. Украинцев держали в страхе быть обвиненными в неизвестно кем выдуманном "буржуазном национализме", евреев зачислили в самые что ни на есть "безродные космополиты". Переименовали все улицы, названные когда-то по национальности большинства поселившихся там жителей — Большую и Малую Арнаутские, Болгарскую, Греческую, Польскую, Еврейскую. Исчезло веселое название немецкой колонии Люстдорф, и на плане города больше не числилась Молдаванка. Но когда де Рибас писал свою книгу, все это и в страшном сне не могло привидеться. Никого еще не расстреляли, не посадили, не выслали, не оболгали, не запретили упоминать, старая Одесса уходила в прошлое по мере течения времени, печаль автора была светла, и в книге остались достойные одесситы прежних времен, разных национальностей, всяких сословий и места под одесским солнцем...

За десятилетия книга стала библиографической редкостью, с которой счастливые обладатели не спешили расставаться, а о переиздании ее в советские времена не могло быть и речи. И только в 1990-м, когда система уже трещала по всем когда-то шитым суровыми нитками швам, Ассоциация культурного развития Одессы выпустила книгу Александра де Рибаса с достойным ее предисловием Бориса Владимирского и Евгения Голубовского. Правда, полиграфическое исполнение ее пятитысячного тиража

оставляло желать лучшего, но для тех, для кого книги являют собой не фетиш, но источник знаний и духовного наслаждения, это было неожиданным подарком. Как говорится, лиха беда начало, и пять лет спустя, в 1995 году, московское издательство "ДимOFF и К^о" выпустило "Старую Одессу". И теперь это было факсимильное издание, но отпечатанное в Германии на белоснежной бумаге, с отлично воспроизведенными старинными литографиями, в роскошном твердом переплете благородного вишневого цвета да еще с золотым тиснением. Для библиофилов взять такую книгу в руки — одно удовольствие, но дорогое. Тем не менее, невзирая на неважное качество предыдущего издания и дороговизну последующего, оба они разошлись на волне раскрепощенного читательского интереса к истории Одессы.

В истории литературы не так уж редки случаи, когда книга первым изданием выходила после смерти автора. Подобное произошло и с книгой де Рибаса, история которой не завершилась переизданиями "Старой Одессы". После выхода ее в 1913 году де Рибас продолжал печатать в газетах свои очерки и делал это даже в "окаянные дни", как назвал их Иван Бунин. Они приоткрывали тогда дверь в старую, во многом еще недавнюю Одессу, где читатель мог перевести дух и отдохнуть воспоминаниями от "текущего кошмара", в котором жил город. Менялись власти, деньги, лозунги и цена человеческой жизни. Пустели магазины, отключалось электричество, исчезала вода в трубах, уголь на складах, бумага в типографиях, надежда в сердцах... Только налетчики "гуляли" по квартирам и грабители "резвились" на улицах.

Майским вечером 1918 года, когда де Рибас шел по Елисаветинской улице, его остановили трое "мальчиков" и, наставив револьвер, отняли часы и деньги. Часы дома еще имелись. Но чтобы выставить на них точное время, требовалось "принести" его на карманных часах от здания Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) на Ланжероновской, 1. В заботах о том, чтобы в смутную пору одесситы не "выпали" из времени, Астрономический отдел гидрографического управления поставил там на крыше мачту. И каждый день на ней ровно в полдень по местному времени поднимался сигнальный шар и падал в 12 часов 3 минуты 2,04 секунды, что соответствовало 10-ти часам по Гринвичу. Правда, многие и не вникали в эти премудрости, подобно И. Ильфу, который, назначая свидание, уведомлял юную даму: "Буду ждать вас в шесть. Я исчисляю по солнцу". Потом пришли большевики и затеяли декретные игры с часовыми стрелками. "Утро наступало неестественно рано, и солнце по вечерам не

заходило, когда следовало, — вспоминала Вера Инбер. — В городе кто-то говорил: "Приходите в десять часов по-ихнему". Приходить *"по-ихнему"* кое-как привыкли бы, но жить "по-ихнему" рискнули не все. Уехали за границу писатели И. Бунин и С. Юшкевич, художники М. Линский и П. Нилус, певица Иза Кремер, скульптор Б. Эдуардс, поэт А. Биск... Список можно продолжить и даже включить в него солистку Городского театра Марию де Рибас — дочь Александра Михайловича, но сколько ни продолжай, де Рибаса в нем не будет.

Всякий волен распоряжаться своей жизнью, но, как писал он тогда, "истинный одессит есть верный сын своего города, берущий от него целиком его основные светлые особенности, благодарный ему за все хорошее и любящий его превыше себя. Такой одессит в дни опасности не станет думать прежде о спасении бегством себя, а начнет с попытки спасти Одессу, оставаясь в ней". Так сурово и категорично де Рибас, кажется, первый заговорил о сыновнем долге перед "Одессой-мамой", и это неплохо бы намотать на ус тем, кто деланно оплакивает ее издалече и, убеждая себя в том, будто-то ее уже в помине нет, палец о палец не ударяет для того, чтобы она все-таки была.

Де Рибас заведовал Публичной библиотекой, участвовал в создании музея "Старая Одесса", заседал в Пушкинской комиссии Дома ученых. Он делал все, что мог, и можно было, чтобы не прервалась связь времен и осталась хотя бы тоненькая ниточка, за которую когда-то можно будет явить на свет Божий достойное воспоминаний прошлое. Потому и был он на виду всей Одессы, а кое-где, наверное, и "на карандаше". Дело в том, что в библиотеке еще хранились его публикации 1918-19 годов. Вызывающее нервную дрожь описание ЧК на Екатерининской площади, 7: "Круглая комната в первом этаже дома Левашева. Пусто и грязно. Налево — запертая дверь, в дереве которой проделано круглое отверстие для наблюдения за происходящим. Направо — комната для арестованных заложников. Оттуда выглядывают бледные лица с трясущимися челюстями. Около них усталая от недосыпания стража. Через большие окна в сторону двора слышится лязг оружия, беспрестанное взведение курков и специфическая брань красноармейцев". Констатация того печального факта, что "вся наша современная жизнь — вишневый сад. Купленный — нет, не купленный, а захваченный, срубленный и заплеванной вишневый сад". Ставшая зловеще актуальной к 1937 году сентенция: "Страх заразителен. Он, как малярия, как болотная лихорадка, распространяется невидимыми путями на огромные расстояния, и его тлетворное влияние проникает в самые зака-

ленные души". При недобром желании любой из этих и подобных им строк было достаточно, чтобы попасть на Маразлиевскую, как с оглядкой говорили одесситы, имея в виду теперь уже не сохранившийся дом НКВД под тогдашним номером 40-б, который старались обходить десятой дорогой. Ему, вроде бы, ничего не припомнили, и он не попал на Маразлиевскую. Его "достали" другим путем. В 1937-м арестовали сына, сорокачетырехлетнего химика Данилу де Рибаса. А через некоторое время кто-то по доброте собственной души или чьему-то злому умыслу принес отцу окровавленное белье сына. За восемьдесят один год де Рибас пережил немало, но этого его сердце не выдержало...

Де Рибас, скорее всего, не думал оставлять свои новые очерки только на газетных полосах, а собирался дополнить ими "Старую Одессу" или выпустить отдельной книгой. Но к тому времени, когда их набралось достаточно, это стало невозможным, поскольку книга де Рибаса не пришла бы ко двору, захламленному идеологическими новациями. Тогда уже всю историю старой Одессы сводили лишь к предыстории того, что стряслось тут после 1917 года. Сообразно этому, катакомбы потому лишь были знамениты, что при французах подпольщики печатали там газету "Одесский коммунист". Дворец Воронцова на бульваре становился дорог исключительно тем, что в 1917 году там заседал 1-й совет рабочих депутатов. И мимо главного корпуса университета, как оказалось, невозможно пройти без душевного трепета, поскольку именно там "работники связи стали на путь политической борьбы, приняв устав союза...".

Еще раньше, в апреле 1920-го, сообразно с декларированными намерениями "до основанья, а затем..." переименовали названную в честь Иосифа де Рибаса главную улицу основанной им Одессы, и можно представить, какую гамму тихих страданий вызвало это в душе внучатого племянника. До "возвращения Дерибасовской" он не дожил, так как это сделали лишь румыны и не из уважения к прошлому присвоенного ими города, а в порядке отмены советских названий улиц. После освобождения Одессы "обратно" переименовывать Дерибасовскую не стали, дабы не породить у населения нелестных сравнений. Но нечистые "игры в историю" продолжались.

На основателя Одессы не только всех собак навесили, но испанскую его фамилию лишили аристократичной частицы "де" и если скрепя сердце писали, то на плебейский лад слитно — Дерибас. А летом 1947 года местное издательство выпустило на украинском языке справочник по Одессе, вступительную статью к которому заказали известному историку

С.Я. Боровому. Понимая, что ему не разрешат написать о первых десятилетиях Одессы так, как он считал нужным, умница Боровой придумал выигрышный ход, понятный умевшим читать между строк: "Нехай офіціальним фундатором вважався іспанець де-Рибас, будівельником порту — голландець де-Воллан, першим губернатором "Новоросії" (1803-1814) — француз герцог Ришельє, але не іноземці на російській службі були справжніми фундаторами Одеси". К стыду и печали, это была единственная возможность назвать имена тех, кто качал колыбель Одессы.

Дальше, как говорится, больше. В 1948 году составили и напечатали книгу "Одесса. Очерк истории города-героя", а один из ее авторов, С.Я. Боровой и заместитель директора издательства успели даже "обмыть" это событие в старом "Гамбринусе" на Преображенской улице. Но потом какому-то партийному чиновнику республиканского ранга не понравилось то, что вслед за изображениями Ленина и Сталина в книге были помещены портреты де Рибаса и Ришельє. По таковой причине книгу пустили под нож. И лишь через девять лет ее напечатали снова, но в "исправленном" виде. Правда, там упомянуто было, что турецкую крепость Хаджибей, на месте которой потом была основана Одесса, 14 сентября 1789 года штурмом взял отряд де Рибаса, входивший в состав корпуса генерал-поручика И.В. Гудовича. Но далее следовал пассаж, который стоит привести целиком: "Великий русский полководец А.В. Суворов, *приветствуя войска, участвовавшие во взятии Хаджибея* (курсив мой. — Р. А.), писал: "С победой над Хаджибеем... имею честь поздравить. Усердно желаю, побеждая и далее неверных, заслужить лавры". Но чего бы это генерал-аншеф А.В. Суворов стал бы обращаться с поздравлением к солдатам малочисленного отряда, никогда им в глаза не виданного, никоим образом ему не подчиненного и действовавшего совершенно в другой местности?

Через восемь дней после падения Хаджибея А.В. Суворов, пребывая в румынском городке Текуч, вызвал писца и продиктовал ему, а потом подписал небольшое, но любезнейшее письмо де Рибасу: "Милостивый Государь мой Осип Михайлович! С победою Вашего Превосходительства над Гаджибеем имею честь поздравить. Усердно желаю, побеждая и далее неверных, заслужить лавры. Пребываю с истинным почтением и преданностью Милостивый Государь мой Вашего Превосходительства покорный слуга Александр Суворов". Но большинство читателей, не сведущих в делах, случившихся более ста пятидесяти лет назад, ни о чем не догадывались и на три точки, коими были заменены грубо вырванные слова, внимания не обратили.

Книга "Одесса. Очерк истории города-героя", стала своего рода местным аналогом приснопамятного "Краткого курса истории ВКП(б)". И отступать от ее положений, принципов и толкований дозволено не было, разрешалось лишь развивать да углублять их, излагая полуправду, подтасовывая факты, сочиняя басни, выдумывая небылицы. Грустным примером тому остался вышедший двумя выпусками в 1957 и 1960 годах очерк "По страницам истории Одессы и Одесщины" В.А. Загоруйко, который по иронии судьбы был директором научной библиотеки им. М. Горького, где на многих книгах еще сохранились пометки, сделанные мелким стремительным почерком А.М. де Рибаса. Поначалу новоиспеченный краевед назвал основателя города авантюристом, а его внучатых племянников Александра и Людвигу — авторами "анекдотов и панегириков, посвященных местным чиновникам и тузам, и в первую очередь их "именитому" предку Иосифу Дерibasу". Заодно досталось Феликсу де Рибасу, который якобы не подарил, как о том давно известно, а продал городу свой сад, теперь называющийся Городским.

Иосиф Михайлович де Рибас, конечно, не был ангелом во плоти, в парадном мундире на плечах, с орденами на груди, в напудренном парике, с едва заметной лукавой улыбкой и задорным взглядом. Но он исполнил свою мечту о новом городе, совпадавшую с интересами страны, и 22 августа 1794 года первая лопата вошла в глинистую землю Хаджибея. И его не вычеркнуть из истории Одессы, как это многие пытались сделать. В 1970 году вышел из печати путеводитель по историко-краеведческому музею, несколько строк которого повествуют о штурме Хаджибея: "Во время этой войны (второй русско-турецкой. — Р. А.), 14 сентября 1789 г. отрядом русских войск из корпуса генерала И.В. Гудовича при активной поддержке черноморских казаков была взята турецкая крепость Ени-Дунья (Новый Свет), расположенная у татарского поселения Хаджибей..." Далее читатель мог узнать о том, что в 1794 году был основан город Одесса, и в музейной экспозиции имеется "текст рескрипта от 27 мая 1794 г. о строительстве при Хаджибее "военной гавани купно с купеческой пристанью"... Все, вроде, верно, но это та полуправда, которая коварней откровенной лжи, потому как подобно глупости, в отличие от лысины, не сразу бросается в глаза. И впрямь, не всем же, тем более приезжим, которые чаще одесситов посещают музеи, известно, что упомянутым отрядом командовал де Рибас, им же был основан город, а рескрипт о том был дан императрицей Екатериной II "нашему вице-адмиралу де Рибасу".

Авторы путеводителей по Одессе, рассказывая о Дерибасовской, волей-неволей должны были объяснять, в честь кого названа улица. Тогда придумали де Рибасу нейтральное место под черноморским солнцем и стали именовать его "участником штурма Хаджибея". Это тоже была полуправда, поскольку крепость брали солдаты и черноморские казаки, и все они были достойными участниками штурма. "Распорядил" же, то есть спланировал атаку и "повел войска на приступ" генерал-майор де Рибас, как доносил князь Потемкин. Но этот старинный документ вряд ли знали те, кому адресованы были путеводители, и даже бойкий автор одного из них, под названием "Одесса мой город родной", который в приступе верноподданнического краснбайства договорился до того, что Хаджибей брали "суворовские чудо-богатыри", неизвестно откуда там появившиеся. И это написано уже в те годы, когда забылась развязанная после войны глупейшая кампания борьбы с "низкопоклонством перед Западом", во время которой, как утверждали остряки, можно было совершенно серьезно провозглашать, что "Россия — родина слонов". Но власть предрешающие все равно не любили испанца Хосе де Рибаса за то, что именно он, а не кто другой, основал этот город.

Только ничто не вечно под луною, тем более под властью, которая сама не вечна. В 1990 году переиздали книгу А.М. де Рибаса, к двухсотлетию города поставили памятник Иосифу де Рибасу, в 1996-м историко-краеведческий музей открыл выставку "Дерибасы и Одесса", а через год появилось учебное пособие по краеведению для школьников "Ми — одесити". Не стоит оценивать сейчас уровень этой книги, но она вышла на украинском языке, и точки над "і" там были расставлены в прямом и переносном смысле: "У вересні 1789 року загін російської армії, до складу якого входили колишні запорожці, очолювані Чепігою, під проводом Дерібаса штурмом оволоділи Гаджибеєм". И далее: "З 1794 року розпочинається будівництво нової гавані під керівництвом Дерібаса, а інженер Деволан складає план розбудови міста...". Правда, в том же году создатель музея одесского порта Н. Глеб-Кошанский потрянул замшелой стариной. "Двести лет и три года в Одессе создается культ Де-Рибаса, — написал он. — Пользуясь плодовитостью своего рода (физической и эпистолярной), — Де Рибасы и их поклонники, создавая образ кумира Одессы номер один, обеспечили себе комфортное существование, как многочисленные дети лейтенанта Шмидта". Но это, выраженное не самым высоким стилем, приватное мнение не имело ни юридической силы, ни административных последствий. И состоялось "возвращение" де Рибаса, а по большо-

му счету, всего полнокровного, насильственно полузабытого прошлого Одессы, потому что никакую книгу нельзя читать с середины.

И новая "Старая Одесса" Александра де Рибаса дождалась своего часа. В 2004 году директор научной библиотеки им. М. Горького О.Ф. Ботушанская, старший библиограф О.Н. Вовчок, заведующая отделом искусств Т.В. Щурова, используя свои богатейшие газетные фонды, хранящийся в литературном музее архив А.М. де Рибаса, уникальные материалы личных коллекций М.Б. Пойзнера и С.З. Лущика, составили и при поддержке заместителя директора ОАО "Одеспищекombинат" С.Г. Терзиева и генерального директора ООО "Судоходство Медиа-центр" В.Г. Денисова выпустили в киевском издательстве "Мистецтво" второй том "Старой Одессы" с послесловием Евгения Голубовского и Олега Губаря. Это была подвижническая работа, требующая знаний, времени, усердия и любви к Одессе, без которой не стоило и начинать такое дело, потому что именно ею проникнуто все, написанное де Рибасом.

Многое из того, о чем он писал, давно стало темой исторических, литературоведческих, искусствоведческих книг, но они не "заслоняют" самобытные очерки и воспоминания де Рибаса. Впрямь, кто, кроме него, поведал, что Григорий Маразли, впоследствии крупный негодьянт, отец городского головы, по прибытии в Одессу в 1801 году вышел из портового карантин, имея при себе "одну шляпу, один колпак, два платка, одну рубашку, один жилет, одни шаровары и пару сапог". Где, как не у де Рибаса, отыщется повествование о том, как 16 сентября 1884 года, в день закладки нового Городского театра, в котловане, вырытом под его фундамент, был дан банкет и "поставлены длинные столы, а на них скатерти, бокалы, бутылки, серебро и фарфор"? У кого еще можно прочесть донныне поучительный рассказ о выборах в первый одесский магистрат, которые "были совершенно свободными и проводились выборщиками-купцами без различия национальностей русскими, греками и евреями. От выборщика требовалось только подписание присяги... В присяге указывалось, что выборщик, не исполнивший добросовестно своего дела, "кроме ответа перед Богом и страшным судом его", подвергается еще "в нынешней жизни всеобщему у своих собратий презрению". На чьих страницах до сих пор цветут привезенные греческими первопоселенцами олеандры, красовавшиеся "почти во всех домах старой Одессы задолго до водворения у нас акации"? Кем еще воспет вольный одесский ветер, "сочетавший в себе ароматы Востока с благоуханием Запада", и одесская пыль, в которой "все слои пережитых нашим городом эпох..."? И только автору "Старой Одессы" принадлежат

восторженные, как оказалось, излишне оптимистичные слова о том, что "пройдут века, сотни веков, а скумбрия, хорошо поджаренная на шкаре и слегка облитая лимонным соком, всегда будет услаждать небо самых изысканных гурманов".

...Так и шел де Рибас от частного к общему, от штриха к детали, от детали к подробности, от подробности к эпизоду, от эпизода к событию, от события к эпохе... И слово за словом, строка за строкой, страница за страницей, во второй своей книге так же, как в первой, писал зримый образ "простой, ясной, типичной, живописной и жизнерадостной" старой Одессы, где царил "общий дух благожелательности и человекотерпимости" и "люди были самими собою, со всеми их национальными и бытовыми отличиями". Эти свободные люди на излете XVIII столетия основали город в благодатной причерноморской степи, устраивали его, облагораживали, защищали, прославляли на весь белый свет и доверчиво передавали потомкам. А чем закончилась такая эстафета поколений, о том не будем говорить. Или она вовсе не закончилась, потому что, если выходят книги Александра де Рибаса, то, как писал Исаак Бабель, еще не вечер?

